

**ОСНОВНЫЕ ИДЕИ ГЕГЕЛЕВСКИХ ЛЕКЦИЙ ПО ЛОГИКЕ
И МЕТАФИЗИКЕ (ЗИМНИЙ СЕМЕСТР 1801–1802)***

Запись И.П.В. ТРОКСЛЕРА

1. Назначение философии по Шеллингу: а) логика как наука о формах конечного (т.е. рассудка), б) метафизика как разрушение этих форм, или метафизика бесконечного.

2. Шеллинговская идея Абсолютного. Сравнение с яйностью Фихте.

Логика

Рассудок видит лишь противоположности, он обусловлен, стремится подражать тождеству Абсолютного и запутывается в противоречиях. Начало всякой философии – разрешение противоречий.

Как утверждает Гегель, тождество есть лишь отрицание, исключение противоположенного. Но эта попытка никогда не удастся, а, значит, тождество никогда таким не оказывается.

Логика распадается на две части: аналитическую и синтетическую, и к ним еще добавляется третья – диалектическая.

Одна противоположность в сознании – это объект, созерцаемый нами в материи, которая полагается как тождество и нетождество.

Вопрос (рефлексии): материя создана или только оформлена? Если она создана, она – произведение Творца, и теперь возникает вопрос, из чего он создал ее? Утверждение «из ничего» непостижимо: из ничего ничто не происходит (*ex nihilo nihil fit*). Если материя только оформлена, то ее сущность уже существовала, а это противоречит понятию формирования.

Таким образом, этот вопрос неразрешим для рефлексии.

Вопрос второй: едины ли материя и форма?

Вопрос третий: едина ли (*einfach*) материя или она – составная (*vielfach*), т.е. целостна ли она или состоит из частей? Рефлексия может считать ее целостной только, поскольку она состоит из частей. Так части оказываются сущностью, и тождество разрушается.

Вопрос четвертый: одушевлена ли материя или мертва? Рефлексия может считать ее лишь мертвой. Для объяснения явлений материи физики принимают понятие сил. Так, например, они говорят: маятник чаще оказывается на полюсах, чем под нижним экватором, потому что сила тяжести там действует больше, чем поблизости от центра¹⁰. Но с таким же правом я могу утверждать и противоположное.

Кант принимает существование сил притяжения и отталкивания. Предпосылается одна сила, но когда оказывается, что она, проходя

* Перевод выполнен по: Schellings und Hegels erste absolute Metaphysik (1801–1802). K. Düsing (Hrsg.) Zusammenfassende Vorlesungsnachschriften von I.P.V. Troxler. – Köln: Dinter Verlag, 1988. S. 63–77. На русском языке текст конспекта лекций Гегеля, составленного И.П.В. Трокслером, с разрешения издателя Ю. Динтера (Кёльн), публикуется впервые.

через пространство, нейтрализует сама себя, предполагается существование противоположной силы. Если последняя больше, она превозмогает первую; если же обе равны, то имеет место их взаимное снятие.

Вообще сила ничто не полагает, она есть превращение внешнего во внутреннее, случайного в необходимое, и этим ничего не объясняется (как, например, в случае с силой призмы, разбивающей луч). Мы должны, подобно древним, искать связь вещей и не задавать вопроса «почему», а лишь «как».

Пространство и время — модусы всякого конечного бытия.

И то и другое должно мыслиться как точка в непрерывности. Во времени точка должна полагать себя вовне себя в последовательности: одна точка всегда следует непосредственно за другой, не переходя в нее. Значит, одно здесь противопоставляется другому. Настоящее — точка, предшествующий ему момент — прошлое, последующий — будущее. Настоящее есть действительное, будущее — возможное, а прошлое — их соотношение. Если рефлексия требует бесконечности, она полагает прошлое безначальным, а будущее бесконечным, и так возникают две так называемых бесконечности!

В подобные противоречия рефлексия впадает и при разделении. Например, математик определяет движение как время, положенное в пространстве и говорит, что тело в какой-то момент начинает движение, а в какой-то — заканчивает. Но если в данный момент оно движется, то оно уже начало движение, а если только начинает движение, то еще не движется.

Принятие побуждения (Sollizitation) как первого движения в бесконечно малых периодах времени только загоняет противоречие вглубь.

Абсолютный разум же не знает единичного момента, текущей точки, предполагающей другие точки или исходящей из себя, — таким образом, он обладает вечностью.

Пространство нужно рассматривать как точки, непрерывно переходящие друг в друга, как линию. Но тем самым оно уже ограничивается: полагание производит что-то, что не является пространством. Геометрия разрушает абсолютное пространство и стремится затем реконструировать его, то же делает и арифметика (как наука о времени). Обе они — науки о конечном, о рефлексии, и находятся в зеркальном (umgekehrt) отношении друг к другу: арифметика стремится к достижению целого, исходя из частей, а геометрия — к достижению частей, исходя из целого. Арифметика и геометрия одинаково достоверны, так как в их основе — определенные понятия. Арифметика всегда рассматривает единство, синтезируя его, и на этом зиждутся сложение, умножение и возведение в степень. Она находится в поисках числа, содержащего тождество всех остальных, но терпит фиаско, так как такая всеобщая мера не может быть найдена. В этом отношении непригодно и десятичное число.

Геометрия рассматривает окружность как элементарнейшее и стремится вывести все из нее. Это не выходит, ибо геометрия должна пре-

вращать периферию в бесконечно малые прямые линии. Несовершенство геометрии доказывает и несоизмеримость, — она не может найти в одной фигуре сторону (Linie), которая послужила бы мерой для двух других сторон. Это было осознано, что привело к созданию высшей аналитической геометрии (да будет круг из квадрата!) Так соотносятся высшие абстракции конечного мира, — пространство и время.

Время, положенное в пространстве, есть движение (речь идет не об изменении места, ничего не выражающем относительно времени). Физики различают движение материи, (всегда движется не одно тело, а два одинаково действующих), механическое движение, законом которого является сила инерции, обуславливающая вечный покой или движение, и, наконец, произвольное движение, когда один объект перемещается к другому по собственному побуждению. Механическое движение начинается с внешним импульсом, и оно, как обладающее совсем другими принципами, должно давно быть отброшено физиками. Важнее всего для него толчок.

Природное движение есть стремление и тоска по отождествлению (Identischwerden) различного. Участие в движении, приписываемое телу, лишь относительно и связано с единичным. Это оказывается ясным на примере способа представления движений так называемых небесных тел. Математика выдвигает два взгляда: согласно первому, планеты движутся вокруг Солнца по эллиптическим орбитам, согласно второму, они вращаются вокруг Земли. Применительно к пространству верны оба, и в пользу первого говорит лишь то, что отношения оказываются проще и то, что движение меньших тел вокруг больших вероятнее.

Физика приняла это, но это для нее не значимо, потому что ей необходимо рассматривать и силу тяжести тел, которая так же гипотетична, как и их величина. В общем, натурфилософа это удовлетворить не может.

Органическое движение есть отрыв от всеобщей массы и тенденция к новому воссоединению с ней. Произвольная. Действительное и иллюзорное движение может различить лишь разум, рефлексия же никак не может дойти до решения. Об этом свидетельствует частое, — в отдельные моменты, когда понимание не приходит, — возникновение вопроса о том, какие из небесных тел движутся.

Теперь Гегель переходит к рассмотрению тождества и нетождества, — бытия и познания (Erkennen).

Чистое бытие (не Абсолютное, а бытие, возникающее для нас только посредством отрицания противоположности) может быть рассмотрено или как единственно самостоятельное целое, или как единственно самостоятельные части. Последнее — точка зрения рассудка, согласно которой объективное распадается на определенности (Bestimmtheiten). Рассудок давно уже вопрошал, каковы вещи сами по себе, и тем самым, как доказывает критическая философия, познал: такая форма бытия не объективна, а субъективна. Возникло понятие неопределенного (материи, того, что способно принимать любые определения), а также

обусловленного познания. (Неистинное) Абсолютное противостояло неопределенному-материи, и поскольку обусловленное всегда исследовалось только с помощью обусловленного же, было невозможно тождество, и именно в связи с ним — познание вещей-в-себе. Между тем, в этом усматривают притязание на единственное само-по-себе, от которого, конечно, нельзя отделять ни определение, ни определенность.

Категории качества, количества и отношения¹¹ возникают как определенности.

Качество. Его противоположность — исключаемое Абсолютное, посредством которого оно достигает тождества. Само по себе качество всегда остается конечным, хотя в рефлексии оно, ставя себя на место Абсолютного полагает себя бесконечным. Разделяясь на бесконечные степени, оно снова пытается отождествиться с Абсолютным. Однако эти степени не определяют различий объективного. Они не пребывают в разуме, и поэтому не смогут, как ранее, сохраняться в науках в качестве измерений (это имело место в физике и учении о праве, а объективно — в нравственном учении о природе). Чем более эти науки будут, следуя таким путем, расширяться, тем скорее они повергнут сами себя.

Количество также есть чистое нетождество. Оно является или бесконечным полаганием, снимающим самое себя именно потому, что оно бесконечно; или полаганием единичного в противоположности другому, а, значит, — нетождественным. Количество не объективно, поскольку материя им не аффицируется. Его внешнее измерение уходит в бесконечность, а внутреннее (как и внешнее) существует лишь через различие, но в относительных степенях. Количество полностью подчинено рефлексии и выражается системой чисел, т.е. бесконечным повторением единства. Как к этому относится десятка, непонятно: кажется, в ней заключено ее собственное мерило¹². Эту форму пытались подчинить разуму и пифагорейцы.

Отношение требует, чтобы качество полагалось в количестве, но тождество, возникающее здесь, не реально, поскольку такое полагание необходимо порождает противоположание.

Поэтому в рефлексии у нас появляются понятия субстанциальности и акцидентальности. Они не могут быть отождествлены. Субстанциальность действительна, а акцидентальность возможна. Само-по-себе — вечно, не возникает и не преходит, а то, что является нам таковым, акцидентально, и за пределами момента своего существования лишь возможно. Только B есть ничто иное как A , и существует, поскольку $A=A$.

Таково единственное основание закона причинности. Нечто единичное помысливается как причина, другое — как ею вызванное, и так возникают отношение и последование. Но сами по себе они ничтожны, потому что причины может и не быть, если непосредственно и одновременно с ней нет следствия.

Следствие и причина различны, и они никогда не могут перейти друг в друга, коль скоро помыслены в отношении причинности.

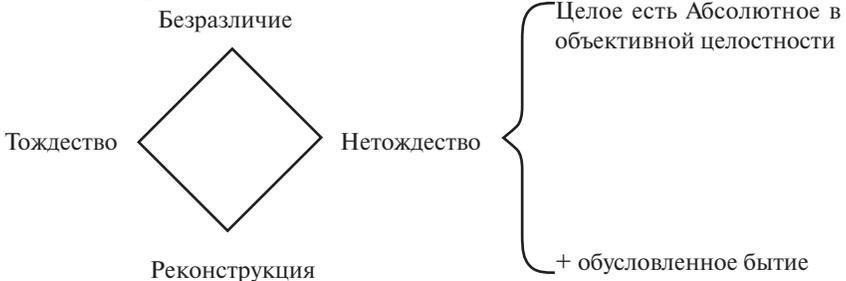
Во взаимодействии же они отождествляются: причина оказывается и следствием, и наоборот — бесконечный ряд причин возвращается сам в себя, продолжая быть одним и тем же и т.д. Еще несколько диалектических примечаний.

Со всяким определенным рефлексия полагает две противоположности и стремится затем снова их синтезировать. Тем самым выражается стремление разума, только, не признавая ничтожности противоположностей и синтезов рефлексии, он запутывается в противоречиях. Снять их может только разум, представляющий абсолютно тождественное. При изучении форм конечности или рефлексии мы должны рассматривать в качестве их высших абстракций два чистых нетождества, Я и не-Я. До сих пор мы считали материю безразличной относительно тождества и нетождества, а также их синтезом.

Таким образом, для нас возникли силы притяжения и расширения (Expansivkraft), и, кроме того, первое понятие о целом и частях. Эти противоположности сами по себе суть одно и то же и возникают как различные только для желающей постичь их рефлексии. Далее: тождество и нетождество друг безотносительно друга суть время и пространство, а также точка, бесконечно положенная вовне себя и линия, бесконечно положенная в себе. Всякая точка и единичная часть линии является для рефлексии тождественной, а все, что до и после, она называет бесконечностями.

Третье противопоставление — качество и количество. Качество в субстанциальности и причинности тождественно, количество — нет; их синтез есть отношение или взаимодействие. То, что эти формы рефлексии являются теперь как части, несовершенно, основано на предпосылаемой разорванности в них целого. Всякая определенность зиждется на своем зарождении из полагания, противопоставления и отнесения. Выше мы выбрали термины «тождество» и «нетождество», не обозначающие ничего определенного и служащие подобно тому, как числа служат для целей арифметики. Они явлены нам как высшие абстракции.

Создавая науку рефлексии, мы не можем держаться фрагментов, так как должно быть постигнуто именно единичное. Значит, мы исходили из целого, представленного в объективном отношении в качестве такого квадрата:

Только три первых измерения, будучи треугольником, являются одним и тем же в субъективной целостности, это полагание, противопоставление и отнесение. Это — внутренняя необходимость, а не определенное. Разум, признавая обусловленное бытие этих трех измерений, требует их снятия, т.е. он объявляет две бесконечности, противостоящие друг другу в рефлексии, ложными и разделенными лишь положенной в нем самой границей (далее в метафизике). Значит, всякое чувственное созерцание опять существует в трех измерениях. Но созерцание может стать наукой только будучи постигнутым. Схема науки рефлексии — схема науки всякого другого.

Все упомянутые выше определения единичного исходят из противостояния субъективного и объективного. Вопрос, в каком отношении друг к другу они состояли, занимал предшествующую философию.

Локк помещал априори и апостериори в причинное отношение друг к другу. Лейбниц оспаривал его, предполагая, что монада созерцает весь мир. Кант пытался разрешить этот вопрос с помощью другого: возможны ли синтетические суждения априори? Но поскольку субъективное мыслящее и внешний ему мир всегда полагаются как сами по себе, все исследование представляет интерес только как исследование обыденного взгляда человеческого рассудка. Это сводится к тому, что априори есть постижение, а апостериори — чувствование. Именно это — материал, заданный к лекциям. Даже Фихте не может удовлетворительно решить этот вопрос, так как его тождество всегда остается лишь постулатом, ведь он желает конструировать его исключительно с помощью предпосланной деятельности. Идеальный принцип, из которого Фихте исходит как из первичного, противостоит реальному. Оба принципа оказываются взаимообусловленными, и, таким образом, требуется третий, находящийся над ними и удерживающий их вместе. Но это всегда остается только требованием.

Шеллинг избегает этого несовершенства, представляя Абсолютное как такое, которое должно быть положено в качестве тождества тождества и нетождества¹³. Противоположность всегда остается необъяснимой, снять ее никак нельзя, но не менее необходимо и допущение единства. Идеальный принцип есть обоснование (точка), а реальный — то, что можно обосновать (линия).

Оба принципа сами по себе бесконечны, конечны же они, именно поскольку противостоят друг другу. Если грань между ними снимается, возникает бессознательность, сознание же возникает только в том случае, если грань положена.

Это продукт вхождения идеального в реальное и их соотношения. Идеальное и реальное объективно и бессознательно полагаются продуктивным воображением. Это воображение отличается от интеллигенции тем, что в интеллигенции возникают субъективность и объективность, а оно, напротив, полагает само идеальное в реальное и наоборот.

Выстраивая интеллигенцию, мы исходим из этого пункта и определяем противоположности как тождество и нетождество.

Предостережение не выходить в философии за пределы сознания не значимо для нас, поскольку принцип нашей философии — искусственное (*künstlich*) сознание, т.е. такое, в отношении которого противоположности интеллигенции суть сами по себе и подведены под себя. Если же предостережение означает, что нам нельзя пытаться объяснять необходимость связи субъективного и объективного, то это — повеление дуализма, означающее лишь уничтожение вообще всякой философии, так как взгляд дуализма есть взгляд обыденного рассудка.

Эта псевдофилософия есть не что иное как отрицание. Воздвигая границу между субъективным и объективным, она всегда отрицает только бесконечность последнего. Тем самым она разрывает отношения со спекуляцией, а, принимая существование потустороннего, вещей-в-себе и созерцания, — и с обыденным рассудком. Конечно, всякое постижение имеет место лишь в сознании, а сознание — ограничение или исключение — осуществляется только посредством постижения. Абсолютное так не затронуть, но на этом зиждется интеллигенция, которую мы также можем основывать на ощущении или в-себе-полагании (поэтому ощущение не так близко к объективности, как чувство. Это проясняют, например, ощущение при созерцании лишнего формы неба, с одной стороны, и прикосновение к телу, с другой).

Выше мы уже определили противоположности как тождество и не-тождество, но тем самым не положили ничего объективного. Для нас они суть то же, чем в другом аспекте были пространство и время — точка и линия, бесконечное вне-себя- и в-себе-полагание. Таким образом, всякая противоположность сама по себе есть лишь несовершенный образ Абсолютного. Когда интеллигенция схватывает только одну противоположность, возникает тождество рефлексии, всегда обусловленное противоположностью и именно поэтому ложное.

Расхождение идеального и реального есть переход от бессознательности к сознанию. Тождественное полагает себя по-разному и определяет разности (*Differenzen*) друг относительно друга. Сама по себе такая соотнесенность первична, хотя появляется лишь как третичная. Возникающее чуждое есть продукт самого себя, а определения, даваемые идеальным реальному, суть не что иное, как аффекция, которую ощущение переносит с реального на идеальное. Абсолютное этим затронуто быть не может, и бесконечный ряд актов, совершающихся в его лоне в виде полагания и противопоставления, по сущности, ничего для него не значит.

Таким образом, разум не терпит субстанции рефлексии, отличной от внешнего мира. Рациональная психология должна видеться разуму совсем в другом свете, чем ранее она виделась рассудку. Рассудок относится к душе как к тождеству, к чему-то нематериальному и простому. Дух, выступающий как субстанция рефлексии, полагается в трех измерениях: как тождество, затем как относящийся к реальному и, наконец, как находящийся во взаимодействии. Тождество должно

дать нам простоту, отношение к реальному — личность, а взаимодействие — общность души и тела. Так называемые метафизические доказательства бессмертия души исходят из первого основания. Они принимают душу как противоположность относительно составного (*das Mannigfaltige*) — простое (*Einfaches*)¹⁴ — и утверждают, что душа как таковая не может быть разделена, поскольку разделение и разрушение суть не что иное как разложение целого на части. Метафизика здесь не осуществляет доказательства, и только рефлексия высказывает свое мнение о вопросе, который сама она решить не в состоянии. Сам же этот вопрос указывает на предчувствие духа или разума, могущего вынести решение, ведь он никогда бы не мог возникнуть, если бы сам рассудок не чувствовал обусловленности тождества и не познавал бы смутно недостаточность последнего.

Второе измерение должно дать нам отношение личности и независимости от чего-то чуждого, так как душа выступает здесь в противоположности внешнему. Тем самым утверждаются самостоятельность и свобода от причинности. А значит, свобода есть лишь отрицание определенности с помощью чего-то внешнего и полное снятие отношения. Кант почувствовал непоследовательность и ограничил свободу чувственностью, однако это было только смешением (*Eingreifen*) двух законодательств, которые сами по себе мыслятся независимыми друг от друга и, следовательно, спутыванием двух миров. Так было взрошено семя чудес, победить мог один мир или другой, и осуществление его означало бы смерть противоположного.

Общность души и тела не может быть постигнута в философиях рефлексии, так как две противоположности разнесены как абсолютно различные. Внедрять успокоительную микстуру — опосредующие члены, должны будто бы гомогенизировать две субстанции — дурное средство. Дело не улучшается и превращением терминов «душа» и «тело» в «Я и не-Я» или в «разум» и «чувственность», так как это не уподобление.

Необходимо должна предполагаться бессознательность духа или тождественного. Дух познает, что рефлексия не протекает без толчка и [точно (?)]¹⁵ задействована даже в полагании и противопоставлении.

Первое мыслится как тождество, а второе — как нетождество. Учение о нетождестве называется космологией. И это множественное снова полагается в трех измерениях.

Первое измерение — тождество, снимающее себя исключительно тем, что оно основывается на различии, на времени и пространстве, которые обуславливают все единичное и сконструированное из единичного.

Второе измерение есть противопоставление, противостоящие, а, наконец, третье — синтез двух предыдущих. Единственно, отношение это скорее является снятием, так как первое и второе измерения представлены как абсолютные. Все философии рефлексии находили здесь своего Бога, и он в них, очевидно, есть третье — выведенное и

обусловленное. Новейшие мыслители искали спасения в моральном миропорядке и помещали гармонию мирового целого и разума в единство моральности и блаженства, понимаемое ими как высшая моральная цель. Только тем самым возникает односторонность, а не тождество, так как разум существует лишь как субъективность, и упомянутая цель — лишь идея, постулат субъективности.

Если мы исходим из Абсолютного как из первичного, то избегаем этого недостатка: Бог, разум и чувственность становятся реальными.

Таковы формы объективной определенности, возникшие, как и формы определенности субъективной, из трех измерений. И те, и другие, выражая в представленном выше квадрате Абсолютное, могут быть представлены в треугольнике.

Конец трансцендентальной логики

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Цит. по: Schellings und Hegels erste absolute Metaphysik (1801–1802). K. Düsing (Hrsg.) Zusammenfassende Vorlesungsnachschriften von I.P.V. Troxler. – Köln: Dinter Verlag, 1988. S. 8.

² Краткость и отрывочность его, судя по всему, обусловлены как сложностью гегелевского повествования, так и обстоятельствами, связанными с проведением лекций (прим. пер.).

³ Schellings und Hegels erste absolute Metaphysik (1801–1802). S. 2.

⁴ Düsing K. Die Entstehung des spekulativen Idealismus // Transzendentalphilosophie und Spekulation. Der Streit um die Gestalt einer Ersten Philosophie (1799–1807) / W. Jaeschke (Hrsg.). – Hamburg: Meiner Verlag, 1994. S. 154–157.

⁵ Hegel G.W.F. Werke. Bd. 1. Frühe Schriften. – Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1986. S. 242.

⁶ Hegels theologische Jugendschriften / G. Nohl (Hrsg.). – Tübingen: J.C.B. Mohr, 1907. S. 347.

⁷ Ibid. S. 348.

⁸ Подробнее об этом см.: Schellings und Hegels erste absolute Metaphysik (1801–1802). S. 115–120.

⁹ Troxler I.P.V. Elemente der Biosophie. – Leipzig: J.G. Feind, 1808. S. XV–XIX и далее.

¹⁰ Изложение связано с содержанием его защищённой в 1801 г. в Йене диссертации «Об орбитах планет» (прим. изд.).

¹¹ Зачеркнуто – «модальность» (прим. изд.).

¹² Гегель отсылает к пифагорейству: особое значение десятке придавал, например, Филолай (прим. пер.).

¹³ Гегель говорит о шеллинговской философии абсолютного тождества, совсем недавно увидевшей свет, и дополняет ее собственной идеей о тождестве тождества и нетождества (прим. пер.).

¹⁴ Гегель опирается на платоновское учение о душе («Федон») и идеи М. Мендельсона (прим. изд.).

¹⁵ Неясно, есть ли это слово в рукописи (прим. изд.).

REFERENCES

Düsing K. (Hrsg.) Schellings und Hegels erste absolute Metaphysik (1801–1802). Zusammenfassende Vorlesungsnachschriften von I.P.V. Troxler. Köln, Jürgen Dinter, 1988. 207 S.

Düsing K. Die Entstehung des spekulativen Idealismus. In: Jaeschke W. (Hrsg). Transzendentalphilosophie und Spekulation. Der Streit um die Gestalt einer Ersten Philosophie (1799-1807). Hamburg, Meiner Verlag, 1994. 240 S.

Hegel G.W.F. Werke. Bd.1. Frühe Schriften. Frankfurt am Main, Suhrkamp, 1986. 620 S.

Nohl G. (Hrsg). Hegels theologische Jugendschriften. Tübingen, J.C.B. Mohr, 1907. 405 S.

Troxler I.P.V. Elemente der Biosophie. Leipzig, J.G. Feind, 1808. 119 S.

Аннотация

Текст представляет собой перевод лекций Г.В.Ф. Гегеля по логике и метафизике, прочитанных им в Йенском университете в зимнем семестре 1801–1802 гг. Лекции были записаны в виде конспекта тогдашним студентом, а впоследствии врачом и натурфилософом И.П.В. Трокслером. Перевод снабжен кратким предисловием. На рубеже XVIII и XIX вв. Гегель, подобно Фихте и Шеллингу, переходит с раннеидеалистических мировоззренческих позиций (Абсолютное непознаваемо) к выстраиванию спекулятивно-идеалистической системы. Краткий и местами отрывочный конспект Трокслера интересен тем, что очерчивает ее первоначальный облик. Комментируя идеи Шеллинга, Гегель дает их собственную трактовку. В своих лекциях зимнего семестра 1801–1802 гг. Гегель касался натурфилософских вопросов, полемизировал с рационалистической традицией, с Кантом, Фихте и разрабатывал учение о категориях. Кроме того, что очень важно, в этих лекциях Гегель делает набросок оригинальной философской теологии, в которой полагает Абсолютное исходным пунктом философствования. Он говорит также о первоначальной бессознательности духа, понимаемого еще скорее как всеединство, чем как субъект. На русском языке перевод публикуется впервые.

Ключевые слова: Гегель, Трокслер, Йена, логика, метафизика, категории, Абсолютное, натурфилософия.

Summary

Here is presented the translation of G.W.F. Hegel's lectures on logic and metaphysics which were read at the Jena University in Wintersemester 1801–1802. The lectures were written down in the form of synopsis by Hegel's younger friend and Jena student I.P.V. Troxler. The translation is provided with the scientific commentary. Around 1800 Hegel, like Fichte and Schelling, changes his worldview from the early idealism (Absolute is unknowable) to the speculative idealism. Brief and sometimes fragmentary Troxler's synopsis gives notion about the first form of Hegel's speculative philosophy. Hegel comments Schelling's philosophy and presents his own comprehension of Schelling's ideas. In Wintersemester 1801–1802 Hegel touched upon the questions of philosophy of nature, criticized ideas of rationalists, Kant and Fichte, develops the system of categories. Besides that, Hegel worked out his own original speculative doctrine of Absolute in which he considers the Absolute as the initial point of thinking. He speaks also about the initial unconsciousness of the Spirit, in this time more all-unity than the subject. This is the first Russian translation of Troxler's synopsis of Hegel's lectures.

Keywords: Hegel, Troxler, Jena, logic, metaphysics, categories, the Absolute, philosophy of nature.

Перевод с немецкого В.В. Золотухина